

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ БРИГАДА

**РУКОПОЖАТНЫЙ
ИЗВЕРГ**

Антикор

Кирилл Казанцев

Рукопожатный изверг

«ЭКСМО»

2013

Казанцев К.

Рукопожатный изверг / К. Казанцев — «Эксмо»,
2013 — (Антикор)

По заданию группы олигархов Министерство юстиции начинает охоту на антикоррупционную бригаду генерала Дугина. Руководит операцией начальник отдела по борьбе с экстремизмом Марат Митяев – беспринципный карьерист, готовый исполнить любой, даже преступный, приказ руководства. Первым делом Митяев натравливает своих «ищеек» на тех, кто время от времени помогает сотрудникам «Антикора». Их запугивают, из них выбивают показания, а автомеханика Василия Горского вообще запытывают до смерти. И тогда генерал Дугин приказывает своему лучшему бойцу Андрею Ларину остановить Митяева...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кирилл Казанцев

Рукопожатный изверг

Глава 1

Лифт, скрипнув, остановился на семнадцатом этаже жилого дома, двери плавно разошлись. Невысокая черноволосая женщина пропустила впереди себя мальчика лет пяти и щелкнула застежкой ридикюля.

– Чем тебя в садике кормили? – поинтересовалась она, доставая ключи.

– Карто-ошкой, – сын с интересом взглянул на взъерошенную кошку, метнущуюся от мусоропровода.

– И все?

– И еще соси-иской... А потом были сладкие булочки и компо-от...

– Если дома поешь супа, я дам тебе кое-что очень вкусное, – пообещала мать, продолжая возиться с ридикюлем.

– Я не хочу су-упа, я сразу хочу вку-усное! – улыбнулся ребенок.

Ключи запутались в скомканном носовом платке. Женщина вытянула их за потертый плетеный ремешок, отперла нижний замок, потом верхний. Она уже взялась за дверную ручку, когда за спиной ее раздался голос:

– Лидия Федоровна?

Женщина обернулась. С верхней площадки к ней направлялись двое крепких мужчин в кожаных куртках. Снизу поднимался еще один – невысокий брюнет в сером плаще и в шляпе, с худым подвижным лицом.

– Лидия Федоровна Погорелова, – произнес брюнет подчеркнуто официальным тоном, – вы арестованы.

Лидия Федоровна уже успела открыть дверь. Втолкнув в квартиру сына, она неожиданно для всех не стала уточнять, за что именно арестована, а быстренько юркнула в квартиру следом за ребенком. Мужчины в кожанках бросились следом, но не успели – дверь с треском захлопнулась прямо перед ними.

– Ну вы и говноеды! – нервно отреагировал брюнет. – Внизу надо было брать, в подъезде, как сразу и договаривались!

Квартирная дверь была массивной, бронированной, с укрепленной коробкой и ригельными замками. Выглядела она совершенно неприступно. Брюнет с силой нажал на кнопку звонка.

– Лидия Федоровна, если вы нам немедленно не откроете, ваши действия будут квалифицированы как намеренное сопротивление властям! – властно крикнул он.

Из квартиры никто не отвечал.

– Вот сучка... – сплюнул в сердцах брюнет.

Атлеты в кожаных куртках виновато переглянулись.

– Игорь Владимирович, тут семнадцатый этаж, никуда не денется, – сказал один.

– Нам что – торчать под дверью, пока она с голоду не начнет пухнуть и ей приспичит в магазин? – просипел Игорь Владимирович.

– А если попытаться вскрыть дверь «болгаркой»? – предположил второй амбал.

Брюнет снял шляпу и нервно пригладил волосы.

– Так ищите! Участкового зовите, пусть по соседям пройдет... Ну, чего стоите, дебилы?! Быстро, быстро! Где участковый? Тут?

Необходимый инструмент отыскивали у кого-то из соседей. Правда, с бронированной дверью пришлось повозиться: ни участковый, ни атлеты в кожанках не умели управляться с «болгаркой». Пришлось вызывать слесаря, который и вскрыл квартирную дверь только через полчаса.

Игорь Владимирович и сопровождавшие его мужчины ворвались внутрь. Хозяйка как ни в чем не бывало сидела на кухне и кормила сына супом. При виде незваных гостей она пугливо вжала голову в плечи, однако нашла в себе силы сказать:

– Я уже полицию вызвала! Сейчас будет здесь...

– Можно было не вызывать, она уже тут, – Игорь Владимирович обернулся в сторону прихожей. – Участковый! Але, ну где ты там? Подойди-ка и покажись гражданке...

Как ни странно, но появление участкового, да еще в форме, несколько успокоило Лидию Федоровну. Пробежав глазами по его служебному удостоверению, она поставила суповую тарелку в мойку и вопросительно взглянула на штатских.

– А вы вообще кто такие?

– Вопросы будем задавать мы, – Игорь Владимирович жестом отослал участкового на лестничную площадку. – Итак, Лидия Федоровна Погорелова, 1972 года рождения, уроженка Яхромы, работающая старшей медсестрой в травматологическом отделении семнадцатой поликлиники города Москвы. Все правильно?

– Ну да...

Игорь Владимирович протянул женщине фотоснимок мужчины средних лет. Острые скулы, серые глаза, волевой подбородок...

– Вы никогда не сталкивались с этим человеком?

Хозяйка квартиры, с трудом сдерживая дрожь в руках, взяла фотографию и поднесла ее к глазам.

– Да нет вроде бы...

– Может, по долгу службы? В травмпункте, например? Может, обращался за помощью? Вспоминайте, вспоминайте!

– Да разве всех наших пациентов упомнишь?! У нас их столько за смену бывает! – Лидия Федоровна явно не понимала, чего от нее хотят.

– Тогда скажу я, – Игорь Владимирович недобро прищурился. – Этого человека зовут Андрей Ларин. И это опасный преступник, вот уже несколько лет находящийся в федеральном розыске. Полтора месяца назад вы делали ему перевязку после проникающего огнестрельного ранения. Ранение, насколько нам известно, было несерьезным, просто царапина. Однако, согласно закону, вы все равно были обязаны немедленно сообщить об огнестреле в правоохранительные органы. Почему вы этого не сделали?

– Да что вы... – От растерянности хозяйка взяла салфетку и принялась вытирать и без того чистые руки. – Не знаю я никакого Ларина. И вообще...

И тут Игорь Владимирович неожиданно заорал:

– Не зна-ае-ешь? Сейчас, сука, ты нам все скажешь!

Маленький сын хозяйки взглянул на незнакомого дядю удивленно и тут же тоненько заплакал. Один из сопровождавших Игоря Владимировича тут же схватил его за руку и поволок в соседнюю комнату.

– Куда-а-а! – закричала Лидия Федоровна, да так громко, что задрожали стеклянные дверки кухонного шкафчика. – Сволочи! Гестаповцы! Ребенка хоть в покое оставьте!

Мать уже намеревалась выбежать из кухни, однако второй амбал в кожанке схватил ее за шею и силой усадил на табуретку, положив ей на плечи огромные руки. Лидия Федоровна попыталась вырваться, однако амбал со всей силы ударил ее ботинком по щиколотке. Женщина застонала, попыталась было схватиться за ушибленную ногу, но амбал зажал ее волосы в кулак, заставив поднять голову.

– Значит, так. Или ты сейчас рассказываешь все, что мы от тебя потребуем, или твой малолетний говнюк... – Игорь Владимирович многозначительно посмотрел в сторону прихожей, где в отчаянном реве заходился сын. – Все поняла или по-другому объяснить?..

...Спустя пятнадцать минут Лидию Федоровну выводили из подъезда к микроавтобусу с затемненными стеклами. Руки женщины были заведены назад, их сковывали наручники. Выглядела она совершенно убито. Игорь Владимирович, проводив ее равнодушным взглядом, извлек из кармана рацию.

– Второй, это я, пятый, – представился он. – Арест медсестры оформили, везем ее в СИЗО «Текстильщики». Нет, Ларина пока не сдала и, видимо, действительно ничего о нем не знает. Работаем дальше...

* * *

Над елями висела желтая луна, освещающая крыши дачного поселка. Ночной ветер шумел в соснах – хвойный лес подступал к поселку вплотную. В крайнем домике по-домашнему уютно светились окна. Полыхающий в комнате камин отбрасывал блики на пол и стены.

– И чего это ты в середине лета решил камин затопить? – худенькая девушка с печальными глазами ласково взглянула на плотного молодого мужчину с усталым лицом и натруженными руками.

– Для романтики, Светик, для романтики! – Мужчина вышел во двор и вскоре вернулся, держа в руках охапку вкусно пахнущих сосновых поленьев.

– На работе тебе, Василек, явно романтики недостает, – Светлана сдержанно улыбнулась. – Не надоело еще чужие машины чинить?

– Зато своя работает, как часы, – Василий, приподнявшись, заглянул в окно – серый мини-вэн стоял у забора. – Не было бы машины – не было бы у нас таких романтических выходных...

– А твоя мама знает, что ты на даче именно со мной? – с заметным напряжением поинтересовалась девушка.

– Папа знает точно, я его предупредил. И, кстати, ничего против наших встреч не имеет, наоборот – мол, жениться тебе пора, сынок. И вообще, ты ему понравилась. А вот мама пока еще ничего не знает.

– То есть у вас в семье все мама решает, – в голосе Светланы послышалось едва различимое волнение. – А когда ты меня с ней познакомишь?

– Всею свое время, – Василий подбросил несколько поленьев в камин.

Гулко трещали сучья, в камине осыпались искры. Пронзительно-голубые огоньки плясали на свежераспиленных дровах. Ветер посвистывал в каминной трубе. За лесом прогремела далекая электричка.

– Слушай, и как это я мог забыть! – молодой человек виновато улыбнулся. – Я же с собой красное вино захватил, мне один клиент подарил, я в его тачке коробку передач отремонтировал... А давай глинтвейн сделаем, как ты любишь!

– Так, для глинтвейна много всего надо, – оживилась Светлана и принялась перечислять: – Мед, корица, лимон... А магазина тут нет. Может, просто вина выпьем? Не надо экспромтов!

– Найдем и мед, и корицу, – Василий загадочно улыбнулся. – Будем считать, что к этому романтическому экспромту я хорошенько подготовился.

Спустя полчаса глинтвейн был сварен, остужен и разлит по керамическим чашкам. Хозяин дачи принес из машины коробку шоколадных конфет, разложил их на самодельном столике и поднял бокал.

– Ну что, Света... За все хорошее!

– За нас с тобой! – улыбнулась Светлана и тут же спохватилась: – А вообще, Василек, тебе же спиртного нельзя... С твоим-то больным сердцем!

– Глинтвейн как раз можно, сосуды расширяет...

Неожиданно за окном послышался звук автомобильного двигателя. Молодые люди не придали этому значения: дачный кооператив располагался неподалеку от Москвы, и народ нередко приезжал сюда даже за полночь. Спустя минуту, однако, скрипнула калитка, и Василий выглянул в окно.

По двору, направляясь к двери, шли трое: двое крепких мужчин в кожаных куртках и невысокий брюнет в сером плаще и шляпе. Сзади плелся заспанный участковый из ближайшей деревни.

– Это еще что? – не поняла Светлана.

– Видимо, опять у соседей дачу обокрали! – Вася отставил недопитый бокал и двинулся в прихожую. – Наверное, будут опрашивать, не видали ли мы чего...

Он долго возился с замком, а когда открыл дверь, страшной силы удар в лицо отбросил его назад – мужчина завалился на спину и на мгновение потерял сознание.

– Вставай, урод! – Один из амбалов в кожанке схватил его под мышки, с силой встряхнул и поставил на ноги.

– Вы... кто? – Хозяин дачи вытер разбитую губу и сплюнул на пол половинку зуба.

– Вопросы тут задаем мы! – Мужчина в сером плаще прошел в комнату, взглянул на сервированный столик, затем – на девушку.

Василий уставился на участкового. Он неплохо знал его, даже один раз выпивали вместе. Полицейский виновато отвел глаза – мол, я человек маленький, подневольный, у меня приказ...

– Значит, ты – Горский Василий Николаевич, 1986 года рождения, – мужчина в сером плаще уселся на стул, закинув ногу на ногу. – Работаешь на станции техобслуживания, что на Можайском шоссе, автомехаником.

– Ну да... – Горский выглядел очень растерянно и даже испуганно. – Может, все-таки скажете мне, кто вы такие?

– Еще узнаешь, кто мы. Потом, в следственном изоляторе, – зловеще пообещал говоривший, достал из кармана фотоснимки и разложил на столе. – Узнаешь, кто это?

– Нет... – растерянно произнес хозяин дачи, едва взглянув на фотографию мужчины средних лет, с острыми скулами, серыми глазами и волевым подбородком.

– В глаза, в глаза мне смотри! Ну? По глазам вижу, что узнаешь! Зовут этого типа Андрей Ларин. Опаснейший преступник, вот уже несколько лет находится в федеральном розыске, на нем половина Уголовного кодекса висит. А ты на своей станции делал ему фальшивые автомобильные номера, нам это точно известно!

– Да я вообще-то по коробкам-автоматам специализируюсь! – возмутился Василий, вытирая разбитую губу. – Не делал я никаких номеров!

– И нас очень интересует, – как ни в чем не бывало продолжал мужчина в сером плаще, – как именно он с тобой выходил на связь. По телефону, через Интернет или еще как-нибудь? Говори, урод!

И тут подала голос забытая всеми девушка. Все это время она сидела, забившись в угол, и явно не понимала сути происходящего.

– Может, вы бы не выражались при мне? – попросила она, нервно поправив прядь волос. – И вообще – вы кто и что тут делаете?

– О, какой бабе-ец! – недобро ухмыльнулся мужчина в сером плаще. – Какие мы нежные... Что – никогда слов таких не слышала, да? А сюда на ночь глядя со своим мужиком приехала винца попить да по лесу погулять?

– Игорь Владимирович, а давайте мы с ней беседу проведем, чисто по-дружески, – с кривой улыбкой предложил один из визитеров в кожанке.

– А что – тоже мысль. Внуши ей поглубже да посильней... Да так, чтобы ее мужик слышал. Сейчас он все скажет!

Амбалы, подхватив девушку, поволокли ее в соседнюю комнату. Та истошно закричала и забилась в руках мужчин.

– Значит, так, – Игорь Владимирович взял Горского за подбородок. – Пока мои пацаны твою бабу во все дыры не трахнули – колись! Все, что об этом Ларине знаешь: где вы с ним познакомились, при каких обстоятельствах, кто еще знает о вашем знакомстве, как поддерживаете с ним связь, он сам на тебя выходит, когда надо... или еще как-то. Ну?..

...Спустя пятнадцать минут Василия Горского выводили из домика к микроавтобусу с затемненными стеклами. Руки его сковывали наручники. Из дачного домика доносились тоненькие всхлипывания:

– Сволочи, гады! Ненавижу вас все-е-ех...

Игорь Владимирович, не реагируя на проклятья, встал под навес и достал рацию.

– Второй, второй, я пятый, – бросил он отрывисто. – Все, и этого слесаря закрыли. Нет, Ларина еще не сдал, но, видимо, что-то ему о нем известно, потому что в подделке номеров признался. Отвезем в «матроску», в спецкорпус, там его допросят по жесткому варианту. Все, работаем по Ларину дальше...

* * *

Сидящие в луже голуби, потревоженные проехавшим грузовиком, шумно захлопав крыльями, закружили над входом на рынок. Андрей Ларин инстинктивно шагнул в сторону и поспешил внутрь огромного павильона с застекленными окнами.

Торговля на утреннем рынке была в самом разгаре. Прилавки радовали глаз свежей зеленью, краснобокими помидорами и упругими огурчиками, неуловимо похожими на маленьких крокодилов. Ларин неторопливо прошелся сквозь овощные ряды и оказался у рыбных, где у него была назначена короткая конспиративная встреча.

Неожиданно он ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. За ним явно следили. Кто именно, определить было невозможно – ведь следили наверняка из толпы. Андрей осторожно осмотрелся. Ничего подозрительного: толстая тетка с клетчатой сумкой, двое пожилых кавказцев, грузчик с тележкой, похмельного вида мужички... Ларин уже было укорил себя за излишнюю мнительность, однако тут же вновь ощутил на себе внимательный взгляд.

И тут же определил, кто за ним следит: из-за соседнего прилавка на него смотрел угрюмый амбал в кожаной куртке. Это не могло быть банальной паранойей: за последние годы Ларин выработал в себе настоящий инстинкт, который позволял мгновенно различать обычный взгляд от пристального и следящего. А это означало: оставаться тут и ожидать нужного человека – значит, подвергать риску не только себя одного.

Андрей, не глядя в сторону амбала, сделал вид, что осматривает разложенную на прилавке рыбу. Он даже приценился к свежему судаку и, дав понять, что находит цену завышенной, неторопливо пошел к выходу, спиной ощущая взгляд амбала. Уже выходя с рынка, Ларин заметил в отражении стеклянной двери, что мужчина в кожанке следует за ним.

Московская базарная окраина жила обычной субботней жизнью. Ветер носил по грязному асфальту обрывки бумаг, пластиковые пакеты и прочий мусор. Пожилые тетки торговали вязаными носками и самодельными тапочками. Стайка цыганок цеплялась к прохожим с предложением погадать. Из динамиков, прикрепленных к ближайшему киоску, доносился «Владимирский централ».

До метро было всего ничего – метров пятьдесят. Однако соваться в подземку было глупо: уж где-где, а там задержать кого угодно – раз плюнуть. Достаточно одного человека внизу эскалатора, второго – наверху. И все, пиши пропало: ведь даже самый тренированный боец не сумеет справиться с противником на движущихся ступенях.

Стало быть, следовало отрываться в другом месте. Да так, чтобы при этом не показать амбалу в кожанке, что он засек слежку.

Андрей знал: неподалеку от рынка есть склады – огромный лабиринт приземистых строений, каждое из которых было огорожено забором. За складами проходит железнодорожная ветка, по которой часто ходят электрички. Если повезет, можно заскочить в вагон, проехать несколько остановок и выйти где-нибудь за городом, где всегда можно скрыться в лесу.

А дальше...

Только недалекие люди строят далекоидущие планы. Разумный человек, да еще в такой ситуации, думает только о самом ближайшем будущем.

Остановившись, Ларин достал мобильник и на всякий случай отключил – теперь его передвижения нельзя будет отследить через связь. Непонятно, кто именно его преследует, откуда преследователи узнали о встрече у рыбных рядов и что им вообще нужно.

До складов он дошел без приключений. Ларин двигался сквозь толпу, стараясь не привлекать к себе внимания. Однако инстинкт опытного бойца подсказывал: преследователь где-то совсем рядом. И причем наверняка не один.

Пройдя вдоль унылого бетонного забора, испещренного граффити и нецензурными надписями, Андрей свернул за угол и бросился бежать. И тут едва не пропустил удар в голову: плотный мужчина, явно поджидавший его в этом месте, целил ему кулаком прямо в ухо. Ларин, заметив опасность периферийным зрением, успел-таки в самый последний момент увернуться. Кулак просвистел в миллиметре от его скулы, рукав бывшего больно хлестнул по лицу, и Андрей, мгновенно отскочивший в сторону, ударил неизвестного ногой в живот. Тот с хрипом отлетел прямо на забор, но Ларин не стал его добивать, а помчался по аллейке между заборами.

Железнодорожная платформа была неподалеку – в каких-то ста метрах. Ларин бежал, не оглядываясь. Обострившийся слух различал топот ботинок за спиной, однако сколько было преследователей и как далеко они находились, Андрей не знал – оборачиваться не было времени.

Поворот, еще один поворот, ржавая металлическая ограда, несколько гаражей, вновь поворот и, неожиданно, глухой тупик. Проход к железной дороге преграждал кирпичный забор, возведенный, видимо, совсем недавно. Времени на размышления не было – Андрей, не оборачиваясь, перемахнул через забор и, пробежав сквозь чахлый кустарник, оказался рядом с железной дорогой.

Пассажирская платформа была пуста: видимо, электричка отошла несколько минут назад. За ней стоял длинный грузовой состав: пузатые мазутные цистерны, желтые рефрижераторы, «клетки» для перевозки автомобилей, темно-бордовые товарные вагоны...

И тут из-за спины послышалось властное:

– Стоять!

Андрей невольно замедлил бег и повернул голову. Тот самый амбал, от кулака которого он так удачно увернулся, был совсем рядом. Ларин, не реагируя на окрик, побежал по насыпи в сторону грузового состава. Из-под подошв летел гравий, ноги предательски скользили по рельсам, но преследуемый знал: если удастся оторваться и поднырнуть под вагоны, уйти будет гораздо проще. Ведь на железнодорожной развязке всегда есть множество укромных уголков!

Андрей юркнул под ближайший товарный вагон и тут же ощутил крупную металлическую вибрацию. Заскрежетало железо буферов, и поезд неожиданно тронулся. Однако Ларин успел-таки выскочить с противоположной стороны. Состав медленно отходил, и беглец при-

нял единственно правильное решение: ухватившись за выступающую металлическую скобу, он каким-то чудом успел вскочить в открытую дверь товарняка...

Внутри пахло свежими древесными опилками, прелой соломой и немного навозом – видимо, в этом вагоне недавно перевозили скот. Андрей прильнул к дощатой стене – как раз с той стороны, где он оставил преследователя, однако рассмотреть амбала в кожанке ему не удалось.

Состав постепенно набирал ход. Ритмично стучали колеса, светофоры безразлично мерцали впереди. Незаметно промелькнули бетонные московские окраины, поезд прогрохотал по стальным пролетам моста, и вскоре урбанистический пейзаж сменился унылыми полями и редколесьем.

Андрей, наконец, немного успокоился. Теперь предстояло решить, что делать дальше. Наилучшим вариантом представлялось следующее: не дожидаясь, когда состав остановится, прыгнуть на каком-нибудь повороте, где поезд обязательно замедлит ход. Ведь преследователи наверняка уже «пробили» маршрут товарного состава, а также все его возможные остановки. Это, в свою очередь, означало, что на первой же товарной станции состав могут загнать в загодя оцепленный тупик. А уж из такой мышеловки выбраться будет невозможно.

Так что у Ларина был только один вариант: покинуть вагон по пути движения и как можно быстрее связаться со своим куратором, Павлом Игнатьевичем Дугиным, чтобы информировать его о происшествии. Телефоном пользоваться было нельзя, однако на случай экстренной связи у Андрея были предусмотрены запасные варианты...

Глава 2

– Вот и получается, что тебе повезло, а им – не очень, – немолодой мужчина с мясистым лицом открыл холодильник, достав початую бутылку в морозной патине. – Тебе просто водки... или как обычно?

– Как обычно, то есть с морковным соком, Павел Игнатьевич, – Андрей Ларин отдернул плотную штору.

На улице лило как из ведра. Струи с карнизов приплясывали за окнами, делая пейзаж размытым, словно нарисованным акварельными красками. Снаружи по подоконнику уныло барабанили капли дождя, в саду шелестели влажные липы.

Здесь, на конспиративной даче в Подмосковье, Ларин чувствовал себя в полной безопасности. Добрался он сюда без каких-либо приключений: как и планировал, удачно выпрыгнул из вагона на повороте, связался по резервному каналу с Дугиным и, получив соответствующие инструкции, несколько часов прятался в лесополосе неподалеку от железной дороги, дожидаясь высланную машину...

– Вот, сок отдельно, водка отдельно, все как ты любишь, – Павел Игнатьевич поставил на стол рюмку, бутылку и пакет сока в цветной упаковке.

– Спасибо... Да, извините, я так и не понял: кому именно не повезло? – Андрей принялся разводить водку ярко-оранжевым напитком.

– Людям, которые нам помогли, даже не подозревая, кто мы такие и чем занимаемся. Я о той медсестре, Лидии Федоровне Погореловой. И о пареньке со станции техобслуживания. Последнему повезло меньше всех: прямо с дачи его отвезли на «спец» в «Матросскую Тишину», где принялись допрашивать по жесткому сценарию. А у того ишемическая болезнь сердца, вот и не выдержало... Инсульт, кома, через сутки он умер. Оформили как обычно: острая сердечная недостаточность, никто не виноват.

– А медсестра? – прищурился Ларин, тщательно смешивая морковный сок с водкой.

– Сейчас в СИЗО «Текстильщики». Что с ней и как – пока неизвестно. Хотели аккуратно организовать ей нашего адвоката – пока не получается.

– Жаль того слесаря... – вздохнул Ларин.

Павел Игнатьевич налил себе сухого вина и выразительно взглянул на собеседника:

– За светлую память Васи Горского...

– Земля ему пухом, – Андрей выпил залпом.

– Его уже все равно не вернуть. Надо сражаться за медсестру.

– Что ей инкриминируют? – поинтересовался Ларин.

– Пока неясно, – Павел Игнатьевич взглянул в окно, за которым по-прежнему хлестал дождь. – Официальное обвинение – «недонесение». Ну, помнишь, она тебе когда-то перевязку делала, вот и должна была сигнализировать об огнестрельном ранении. Не донесла, за что ей отдельное спасибо. Доказательная база на нее куцая. Свидетелей никаких, документов никаких, и вообще на нее ничего нету. Но повесить на нее могут все, что угодно: от людоедства до шпионажа в пользу Гондураса.

– Кто же занимается этими арестами?

– Отдел по борьбе с экстремизмом Минюста.

– Так ведь такой и в Следственном комитете есть, и в ФСБ, кажется...

– И в Минюсте тоже. Они там на экстремизме буквально все помешались, – Павел Игнатьевич отставил пустой бокал. – А если экстремизм в моде у Следственного комитета и на Лубянке, то соответствующие отделы по борьбе с ним должны быть везде, даже, наверное, в МЧС и в Министерстве культуры.

– Какой же экстремист из скромной медсестры? – хмыкнул Андрей. – И вообще – у нее маленький ребенок, насколько я помню. Могли бы и пожалеть. А в экстремисты назначить кого-нибудь другого. Что – мало кандидатур?

– Смысл существования всех этих МВД, ФСБ, Минюстов и прочих – сохранение стабильности существующего режима, всех этих властных кланов. То есть возможности стабильно грабить, насиловать и обманывать людей, – Павел Игнатьевич недобро хмыкнул. – Людей, конечно, им тоже жалко. Как жаль каких-нибудь голодающих Экваториальной Гвинеи. То есть абстрактно. А те, кого они ежедневно видят из окон своих лимузинов, для них всего лишь биомасса, сброд. Быдло, считающее рваные рубли на дешевую водку... И вспоминают о нем лишь за несколько месяцев до выборов, когда этих людей неожиданно начинают называют «дорогими россиянами», внушая им мысль о собственной значимости. А если это быдло внезапно поднимает голову или хотя бы задается классическим вопросом «тварь я дрожащая или право имею?», то на него, как на дохлую собаку, вешают статью «экстремизм».

– В цивилизованных странах дело Лидии Федоровны и покойного Горского решал бы суд, – резюмировал Ларин.

– В том-то и дело, что в цивилизованных... Ладно, Андрей, – Павел Игнатьевич достал нетбук. – Догадываешься, чем мы будем заниматься теперь?

– Почти.

– Тогда внимательно смотри, слушай и запоминай...

* * *

Глядя на Павла Игнатьевича Дугина, невозможно было себе и представить, что он возглавляет ни много ни мало мощнейшую и отлично законспирированную тайную структуру. В отличие от большинства подобных организаций она не ставила перед собой цель свержения действующего режима с последующим захватом власти. Цели были более чем благородными: беспощадная борьба с коррупцией в любых ее проявлениях, и притом исключительно неконституционными методами.

Костяк тайной структуры составляли честные офицеры силовых структур, которые еще не забыли такие старомодные понятия, как порядочность, совесть, присяга и интересы державы. Однако одиночка, сколь благороден он ни был, не в состоянии победить тотальную продажность властей. Тем более, коррупция в России – это не только гаишник, вымогающий на шоссе дежурную взятку, и не только ректор вуза, гарантирующий абитуриенту поступление за определенную плату. Коррупция в России – это стиль жизни...

Начиналось все несколько лет назад, как обычно, с самого малого. Офицерам, выгнанным со службы за излишнюю порядочность, влиятельный силовик Дугин подыскивал новые места работы. Тем более что его генеральские погоны и высокая должность в главке МВД открывали самые широкие возможности. Затем начались хитроумные подставы для «оборотней в погонах», этих самых честных офицеров уволивших. Для этого несколько наиболее проверенных людей были объединены в первую «пятерку». Вскоре организовалась еще одна. Затем – еще и еще...

Заговор – это не обязательно одеяла на окнах, зашитая за подкладку шифровка, надписи кровью на пергаменте и пистолет, замаскированный под авторучку. Залог любого успешного заговора и любой тайной организации – полное и взаимное доверие ее членов. Доверительные отношения между заговорщиками возникли сразу же.

Вычищать скверну законными методами оказалось нереально – та же «внутренняя безопасность» во всех без исключения силовых структурах занимается, как правило, только теми, на кого укажет пальцем начальство. К тому же корпоративная солидарность, продажность судов и, самое главное, низменные шкурные интересы российского чиновничества не остав-

ляли никаких шансов для честной борьбы. И потому Дугин практиковал способы куда более радикальные, вплоть до физического уничтожения наиболее ярких коррупционеров. Точечные удары вызывали у тех естественный страх, количество загадочных самоубийств среди них росло, и многие догадывались, что эти самоубийства далеко не случайны. Слухи о некоей тайной организации, этаким «ордене меченосцев», безжалостном и беспощадном, росли и ширились, причем не только в Москве, но и на периферии. Корпус продажных чиновников просто не знал, с какой стороны ждать удара и в какой именно момент этот удар последует. Что, в свою очередь, становилось не меньшим поводом для страха, чем сами акции.

Сколько людей входило в тайную структуру и на сколь высоких этажах власти эти люди сидели, знал один лишь Дугин. Даже в случае провала одной из «пятерок» структура теряла лишь одно звено, да и то ненадолго – как известно, у акулы вместо сточенного ряда зубов очень быстро вырастают новые.

Самому же Андрею Ларину, бывшему наро-фоминскому оперативнику, бывшему заключенному ментовской зоны «Красная шапочка», бежавшему оттуда не без помощи Дугина, отводилась в законспирированной системе роль этакого «боевого копья». И, как догадывался Андрей, далеко не единственного. Таких «копий» у Дугина наверняка было несколько. Пластическая операция до неузнаваемости изменила лицо бывшего наро-фоминского опера – случайного провала можно было не опасаться. Жизненного опыта Андрею было не занимать. Он умел быстро ориентироваться в самых сложных ситуациях. Природного артистизма – чтобы убедительно разыграть любую нужную роль, от посыльного до полномочного представителя президента – тоже. Профессиональные навыки, естественно, были на высоте. Все, причастные к тайной антикоррупционной структуре, проходили занятия по стрельбе, спецвождению, безопасности в Интернете и даже прикладной химии...

Однако навыки навыками, но бывают ситуации, когда ни один даже самый подготовленный боец не может обойтись без помощи других людей. Иными словами – без мелких агентов, которых конспиративная организация использовала «втемную», не посвящая в свои планы и замыслы. Дежурная на гостиничном ресепшене, которая при случае могла предоставить тому же Ларину номер безо всяких документов, оператор полицейской системы видеонаблюдения, согласившаяся безвозмездно сделать копию видеодиска, риелтор, «пробивший» историю той или иной квартиры...

Вот и получалось, что тотальная российская коррупция, приняв вызов Антикора, сумела вычислить лишь самые мелкие звенья его структуры – медсестру Погорелову и автослесаря Горского. Эти люди в свое время действительно помогли Андрею. Так что теперь, после смерти второго, вся тяжесть давления, словно бетонная плита, ложилась на Лидию Федоровну...

Со слов Дугина выходило, что сражаться теперь следовало не столько за медсестру, этакое «маленького человека», попавшего под безжалостный пресс Минюста, а за саму идею справедливости.

И Ларину, как это часто бывало, отводилась в этой борьбе едва ли не главная роль...

* * *

– ...так что пока об этом Отделе по борьбе с экстремизмом нам известно немного, – подытожил Павел Игнатьевич, опуская крышку нетбука. – То есть – почти ничего. Но можно предположить, что для силовых акций они используют спецназовцев из Федеральной службы исполнения наказаний. То есть людей, натренированных на подавление бунтов в тюрьмах и зонах. А также на поиски сбежавших уголовников.

– Интересный, однако, выбор, – пожал плечами Ларин. – То есть тех, кто еще сохранил чувство собственного достоинства, приравнивают к сбежавшим уголовникам?!

– К экстремистам, – напомнил «правила игры» Павел Игнатьевич. – Ладно, есть у меня одна мысль. Ты того мужчину в кожаной куртке хорошо запомнил?

– Я его на рынке срисовал. Время было – рассмотрел как следует. А вот второго, который хотел меня у забора на складах завалить, куда хуже. Сами понимаете, убежал, не до того было...

– Фоторобот составить сумеешь?

– Обижаете, Павел Игнатьевич, – хмыкнул Андрей. – Я ведь все-таки бывший оперативник ОБОПа! Столько лет этим занимался!

– Вот и займись этим прямо с завтрашнего утра.

– Сколько у меня времени?

– Как говорится – «время вышло вчера». У меня тут есть выход и к картотеке Минюста, и к некоторым другим базам данных. Прогоним твой фоторобот через компьютерную программу – а вдруг повезет?

– То есть, вычислив этого мужика в кожанке, по сути – мелкую сошку, мы выйдем на тех, кто «экстремизмом» и занимается.

– Вот именно.

Ларин вылил в стакан остатки водки, плеснул морковного сока.

– Допустим, тот тип, от которого я убежал, действительно оперативник из «исполнения наказаний». Публику эту я знаю достаточно хорошо и вот что скажу: накопать на такого опера компромата – дело плевое. Любовницы, коррупция, алкоголизм, даже наркомания. А там и вербовочная ситуация, и все остальное.

– Вот тебе и придется всем этим заниматься, – подытожил Павел Игнатьевич.

Глава 3

Столичный следственный изолятор номер шесть куда более известен как «Текстильщики». Назван он так исключительно из-за близости к одноименной станции метро и к производству пошивочных материалов никакого отношения не имеет. СИЗО «Текстильщики» предназначено исключительно для женщин. Правда, тюрьма эта не считается слишком уж жесткой – учитывая ее местоположение, сюда нередко навещают международные правозащитники. А потому и бытовые условия тут относительно человеческие, и беспредела со стороны администрации почти не наблюдается.

Камера, куда поместили Лидию Погорелову, выглядела небольшой, но относительно комфортной. Свежепокрашенные стены, высокие потолки, керамическая плитка на полу, чистое белье, два цветных телевизора и даже видеоплеер с подбором дисков – в основном дешевых сериалов. О том, что медсестра попала в тюрьму, ей напоминала лишь решетка на окне да массивная металлическая дверь с традиционной «кормушкой». Стены пестрели картинками: фотографии родных, вырезки из журналов, рекламные постеры, аляповатые иконки...

Единственным неудобством была духота, а еще – накуренность. Арестантки, совершенно не комплексуя, сидели на застеленных нарах в нижнем белье, а то и вовсе без него, и курили направо. Вентиляция не работала, и сизый табачный дым расплзался по всей камере.

Так что Лидии Федоровне сперва даже показалось, что все не так страшно, как она себе представляла. Никаких тюремных ужасов пока что не наблюдалось. На «первоходку» сперва даже никто особо не обратил внимания. Лишь староста камеры, сухая чернявая ведьмочка с косым шрамом на скуле, кивнула новенькой в сторону нар у двери – мол, теперь это твое место, на другое и не думай претендовать.

Несмотря на более-менее сносные условия, Погорелова чувствовала себя отвратительно. И хотя пятилетнего сына забрала сестра, женщина постоянно спрашивала себя: как он там, как ест, как спит, не болеет ли? А еще тревожило – как примут ее на новом месте, какие тут нравы, чего ждать от первой встречи со следователем...

Знакомства начались на следующее утро. Ни особо опасных рецидивисток, ни матерых убийц в камере не было. Большинство арестанток вообще можно было не бросать за решетку. Молодая студентка педуниверситета сидела из-за конфликта с соседом-участковым – сильно с ним повздорила, когда тот был пьян, а правоохранитель в отместку подбросил в ее машину наркотики, после чего организовал образцово-показательное задержание. Пожилую гастарбайтершу из Таджикистана, почти не понимающую по-русски, посадили за работу на подпольной хлебопекарне. Еще одна приезжая с Кубани сидела за кражу ящика сливочного масла. Единственной настоящей уголовницей с богатым тюремным стажем оказалась староста камеры, Надя Чуракова по кличке Арлекино, которая начала свой криминальный путь еще в начале девяностых, подвизаясь наводчицей у банды курганских гастролеров. Имея три судимости, на этот раз она попала банально – на карманной краже, хотя, с ее слов, менты сунули ее в «Текстильщики» в отместку за отказ стать их осведомительницей.

Выслушав Погорелову, Арлекино задымила папиросой, задумалась.

– Дело твое фуфловое, даже если ты действительно этого мужика просто перевязывала, – резюмировала она. – Тем более у ментов на тебя вообще ничего нету. Кто-нибудь видел, как ты его перевязывала? Или в документах это есть? Нету? Ну, пусть твой следак и гуляет лесом. Все будет ништяк, не бзди, подруга!

– А если они что-нибудь другое придумают? – боязливо поинтересовалась Лидия Федоровна.

– Ну, просто так, на голом месте, не придумают, – затянулась папиросой староста. – Им-то это хлопотно: свидетелей организовывать, вещдоки, очные ставки и опознания, все такое... Ты,

главное, как к следаку пойдешь – ничего не подписывай и вообще как можно меньше говори о себе. И не забывай, что любое чистосердечное признание облегчает совесть, но увеличивает срок. Присмотрись, пойми, чего от тебя хотят. А лучше всего – сразу уходи в несознанку, в глухой отказ. Пусть менты на тебя доказательства ищут, если они, в натуре, есть, а не ты им на себя материальчик организовывай. Не облегчай им жизнь.

– А адвокат? Должны же дать по закону?!

– Ну, это ты фильмов про ментов насмотрелась, – хмыкнула староста. – Если по закону, тебе дадут государственного адвоката, которого ты увидишь всего два раза: после твоего ознакомления с уголовным делом и на суде. А если хорошего защитничка искать – это филок стоит.

– В смысле – денег? – не поняла Лидия Федоровна.

– В смысле – лавешек. А их у тебя, затруханной медсестры, наверняка в нужном количестве нету. Так что или квартиру продавай, чтобы на адвоката разжиться, или привыкай к государственному. Или сама себя защищай. . .

Погорелову вызвали к следователю лишь через восемь дней после ареста. Допрос, как и положено, происходил тут же, в тюрьме, в следственном корпусе. Кабинет следователя выглядел вполне стандартно: стол, клетка для допрашиваемой, решетки на окнах. Следователь – невысокий сутулый мужчина с мрачным лицом и волосатыми пальцами – старался казаться приветливым и даже доброжелательным. Поинтересовался, нет ли жалоб, ладит ли Погорелова с сокамерницами, нет ли у нее хронических заболеваний. Обнадежил: мол, и в тюрьме люди живут, тем более что теперь «гуманизация», так что пусть Лидия Федоровна не падает духом и не теряет надежды.

И лишь после этого перешел непосредственно к делу.

– Вам, наверное, уже разъяснили ваши права? – с казенной улыбкой осведомился следак.

– Разъяснили. Но в самых общих чертах.

– Этого достаточно в рамках Уголовно-процессуального кодекса. А в чем вас подозревают – понятно? – прищурился он и принялся что-то быстро-быстро записывать.

– Нет, – ответила Лидия Федоровна, стараясь держаться как можно спокойней. – Какая-то перевязка, какое-то огнестрельное ранение. . . Я так ничего и не поняла.

– Дело не в перевязке и не в огнестреле, – следователь отложил ручку. – Как вы сами думаете, почему мы почти неделю не вызывали вас на допрос?

– Вам видней. . .

– Вот именно! Потому, что за это время открылись новые обстоятельства вашего дела. Как стало известно, – следак принялся буравить подследственную ледяным взглядом, – вы не просто оказывали помощь Андрею Ларину, опасному преступнику, находящемуся в федеральном розыске. Я имею в виду медицинскую помощь. Вы являетесь его непосредственной пособницей и соучастницей как минимум в одном убийстве с отягощающими обстоятельствами.

– Что вы мелете?! Какое такое убийство? – не выдержала Погорелова. – Какие еще обстоятельства?!

– Сейчас все объясню. Вам знаком этот человек? – с этими словами следователь протянул фотографию пожилого мужчины в меховой шапке и шикарной шубе.

– Не-ет. . . – протянула арестантка растерянно, тем более что этого человека она действительно никогда прежде не видела.

– Это – Седых Иннокентий Иванович, 1946 года рождения, богатый бизнесмен из Сибири, часто бывавший в Москве по судебным делам. Три месяца назад ваш друг, опасный рецидивист Андрей Ларин, похитил его с целью получения выкупа. Долго и изощренно пытал, притом в пытках самое непосредственное участие принимали и вы. Когда выкуп был, наконец, получен, Ларин убил Седых. Чтобы избавиться от трупа, тело решено было расчленивать, притом расчленили тело именно вы как человек с медицинским образованием. Все это происходило в ванной вашей квартиры, после чего ноги, руки и голову вы поместили в выварку, а туловище –

в целлофановый мешок и вынесли все это в неизвестном направлении. Следствием также установлено, что вы...

Следователь так и не успел договорить. Лидия Федоровна беспомощно подняла руки, словно желая защититься от всего этого ужаса, после чего медленно завалилась на клетку и сползла на пол.

Она потеряла сознание.

* * *

От обвинения, выдвинутого следствием в отношении старшей медсестры травматологического отделения одной из поликлиник Москвы, пахивало явным абсурдом и заказухой одновременно. Согласитесь – с чего бы это вдруг законопослушная гражданка, заботливая мать, которая за всю свою жизнь и мухи не убила, как ни в чем не бывало взяла да расчленила труп какого-то предприимчивого бизнесмена, которого и знать не знала? Причем сделала это не где-нибудь, а в собственной ванне, где частенько купала своего малолетнего сынишку? Не бред ли? Естественно, да, к тому же полный. Но по версии все того же следствия выходило, что отнюдь не бред. Дескать, Погорелова уже давно состоит в некой самопровозглашенной организации, якобы занимающейся борьбой с коррупцией, а на деле устраняющей неугодных ей людей, одним из которых и стал успешный коммерсант Иннокентий Иванович Седых. При этом последнего, как утверждалось в материалах обвинения, отправила на тот свет не Лидия Федоровна, а Андрей Ларин, являющийся ее куратором. Он-то, мол, и приказал медсестре избавиться от тела таким ужасным способом.

Безусловно, что при отсутствии каких-либо улик и свидетельских показаний это дело мигом бы развалилось. Ведь судья, каким бы продажным он ни был, не смог бы вынести приговор, руководствуясь лишь одними голословными обвинениями, не подкрепленными никакими доказательствами. Однако таковые, как ни странно, нашлись. Во-первых, во время осмотра квартиры Погореловой были обнаружены следы крови: в ванной комнате, на кухне и в прихожей. Анализ ДНК показал, что принадлежит она не кому иному, как покойному бизнесмену Седых. Во-вторых, отыскался и свидетель – таксист, который, ожидая позднего клиента во дворе дома, где жила Лидия Федоровна, видел, как в два часа ночи какая-то дамочка суетливо запикивала в багажник машины набитые чем-то объемистым черные пакеты из-под мусора. Номер автомобиля таксист не рассмотрел. Зато хорошо запомнил лицо женщины. Чуть позже на опознании он указал пальцем именно на Погорелову.

В общем, за Лидию Федоровну взялись конкретно, собравшись повесить на нее 105-ю статью УК о соучастии в убийстве, предусматривающую наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двадцати лет.

Один из лучших адвокатов России, нанятый Павлом Игнатьевичем Дугиным, прекрасно понимал, что все это чистой воды подстава. Что кровь бизнесмена, которая была найдена в квартире его подзащитной, несомненно, разбрызгал кто-то, проникший туда в ее отсутствие. Что никакой женщины, якобы загружавшей в багажник пакеты с частями расчлененного тела, таксист не видел, а просто был вынужден пересказать то, что ему велели. А почему он это сделал? Так тут все ясно как божий день. Попался, скорее всего, на вождении в нетрезвом виде или в бардачок наркоты подбросили. А потом прижучили, взяли в оборот, поставив ультиматум – либо рассказываешь в суде всю эту невероятную историю и можешь быть свободен, либо отправляешься на нары. Нетрудно догадаться, что выбрал в такой ситуации загнанный в угол человек, каким бы благородным и принципиальным он ни был. Сломать можно абсолютно любого, ведь инстинкт самосохранения еще никто не отменял. Этим и воспользовались те, кто объявил войну тайной антикоррупционной организации...

...У каждого сфабрикованного уголовного дела обязательно есть конкретный заказчик и нанятый им исполнитель – если хотите, сценарист, который пишет для ничего не подозревающей жертвы нужный «текст». Финал всегда предсказуем и трагичен: скамья подсудимых, приговор и отбывание срока в местах не столь отдаленных. Был такой «сценарист» и в деле Погореловой. Им оказался Марат Сергеевич Митяев – начальник недавно созданного при Минюсте Отдела по борьбе с экстремизмом. Типичный карьерист, готовый исполнить любой приказ руководства, каким бы преступным он ни был. А посему год назад, когда в приватной беседе министр юстиции упомянул о тайной структуре по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти и намекнул, что некая влиятельная группа околоремлевских олигархов требует от него организовать несколько показательных судебных процессов над ее членами, Митяев тут же взял под козырек. Правда, тогда он еще не представлял себе, как прижучить хотя бы одного агента, состоящего в этой глубоко законспирированной организации. Но решение нашлось быстро.

Вместо того чтобы гоняться за рыбой покрупнее и попроворнее, Митяев начал ловить более мелкую. И не прогадал. Так в его сети попались автослесарь Василий Горский и медсестра Лидия Погорелова, которые время от времени оказывали помощь «боевым копьям» антикоррупционной организации. Именно на этих двоих Марат Сергеевич и собирался повесить соучастие в убийстве крупного бизнесмена Седых, якобы убитого Андреем Лариным. Но произошла небольшая осечка – во время пристрастного допроса, медленно переходящего в пытку, у Горского не выдержало сердце, и он скончался. Поэтому начальнику Отдела по борьбе с экстремизмом пришлось спешно внести в свой «сценарий» определенные коррективы. Так, вместо двух соучастников остался один, а точнее, одна. Впрочем, и этого заказчику оказалось достаточно. Ведь Митяев сделал невозможное – то, чего до этого никому не удавалось. Выловил-таки одного из членов тайной структуры, пускай и рядового.

Состряпанное Маратом Сергеевичем уголовное дело казалось идеальным. Вот только была в нем одна брешь – тело бизнесмена Седых, а вернее его фрагменты, как утверждало следствие, до сих пор так и не было найдено. И на то были свои причины...

...До недавнего времени в глухой сибирской тайге жил одинокий Володя Пономарев. После развала Советского Союза он, потеряв работу главного инженера, сначала ушел в запой, а когда бухло перестало вставляться, перешел на наркоту. Тогда это «удовольствие», в принципе как и сейчас, было не из дешевых. Ему пришлось продать квартиру, переехать в какую-то халупу. Кололся чуть ли не каждый день и постепенно превращался в конченного наркомана. Но однажды, чуть не умерев от передозировки, он решил раз и навсегда завязать с зельем. Так как Володя Пономарев понимал, что в любой момент может сорваться, – взял да и уехал в таежную глухомань, за тридевять земель от крупных городов и вообще любых населенных пунктов. Как говорится, от греха подальше, чтобы соблазна не было. Построил своими силами небольшой домик, печку сложил и зажил дикарской жизнью, всякими грибами да ягодами питаюсь. Первое время, конечно, ломки случались регулярно, но кое-как перетерпел, не сдался.

И вот буквально полгода назад, зимой, к нему в гости появился какой-то представительный мужик в соболиной шубе на снегоходе. От людей Володя Пономарев давно отвык, а потому встретил незнакомца настороженно. Мужик этот задушевно так поговорил с ним, сказал, что хочет рядышком дом построить, этакое небольшое экологическое поселение забабахать – мол, давно мечтаю из загазованной Москвы свалить и на природе поселиться. Да только одному скучно, а так хоть с кем поговорить будет. Нелюдимый Володя послал его куда подальше. Незнакомец настаивать не стал, сел и уехал, то ли случайно, то ли преднамеренно забыв на столике борсетку. Долго смотрел на нее бывший инженер, не зная, что и делать – выбросить ли, заглянуть ли внутрь? И все-таки любопытство взяло вверх.

В общем, открыл Володя борсетку и тут же обомлел, обнаружив там два шприца, наполненных какой-то мутноватой жидкостью, и прилагающуюся к ним записку: «Приятного времяпрепровождения».

Недолго думая, Володя выкинул все это добро на улицу и встревоженный лег спать. Но так и не смог уснуть. Проворочался всю ночь, к утру его начало трясти, словно пьяницу с бодуна. Держался, как мог, но проснувшийся в нем наркоман требовал дозы. Сорвался-таки Пономарев – бросился на улицу, упал в снег, схватил трясущейся рукой шприц, всадил иглу в вену. Завалился на спину, блаженно закатив одурманенные глаза к небу. Так и пролежал до первых звезд, витая где-то в облаках.

На следующий день все повторилось – вновь укололся. Потом еще. А вот когда оставленные незнакомцем шприцы закончились, у Володи началась настоящая ломка. Он то катался по полу, бормоча какую-то ахинею. То в чем мать родила выбегал из дому на мороз и, как сумасшедший, носился по пустынному лесу, воя на луну. А потом сидел у окна, скреб нестриженными ногтями подоконник и потухшими глазами смотрел вдаль, надеясь увидеть того самого мужика в шубе на снегоходе.

Незнакомец и впрямь вскоре объявился. И первым делом продемонстрировал полуживому Володе наполненный наркотой шприц. Но на этот раз он ни про какое экопоселение не говорил, а четко поставил перед дикарем условие – хочешь своевременно получать дозы, будешь делать то, что я тебе прикажу. В тот момент Володя был готов на все, даже мать родную убить, и рука при этом не дрогнула бы. Что не сделаешь ради дозы?..

...Все-таки не зря начальник отдела по борьбе с экстремизмом Митяев потратил столько своих сил и времени на то, чтобы вновь посадить сибирского отшельника на иглу. Ведь в итоге он получил послушного раба, податливый материал, с которым можно было делать все, что угодно. И что было для него самым главным – Володя являлся таким человеком-невидимкой. Ни в каких компьютерных базах данных не числился, нигде на учете не состоял, родственников у него не было. А это значило, что ему можно было придумать любую биографию. Так Митяев и поступил.

Марат Сергеевич сделал Володе Пономареву новый паспорт на имя Седых Иннокентия Ивановича и зарегистрировал на него фирму в Новосибирске по скупке обанкротившихся предприятий. Сам исправно платил от его имени налоги в бюджет и проводил через фирму огромные суммы денег – одним словом, имитировал бурную коммерческую деятельность. Даже заказывал ему билеты в Москву и обратно, чтобы создать иллюзию, будто Седых действительно является богатым и успешным бизнесменом, постоянно мотающимся по своим делам в столицу. Побритого и приодетого Иннокентия даже несколько раз свозили в Новосибирск, где он дал заказное интервью районной газете, в котором утверждал, что в последнее время ему стали приходиться угрозы от некоей антикоррупционной организации – мол, знаем, как ты свои денежки заработал, так что готовься к скорой расплате.

Также Иннокентия заставили пройти обследование в частном медицинском центре. Понятное дело, что состояние здоровья сибирского дикаря Митяева никого не волновало. Это было сделано с одной-единственной целью – получить его кровь, которая впоследствии должна была оказаться в квартире Погореловой. Самого же отшельника Марат Сергеевич планировал убить, расчленив и закопать в леске неподалеку от дачи Лидии Федоровны. Ну, а потом, когда медсестру упекут в СИЗО и она как пить дать начнет доказывать свою невиновность, навести следствие на эту самую могилку. И тогда никакой адвокат уже не поможет.

Что ж, ловко придумано. Однако случаются в этой жизни неожиданности, причем, как правило, неприятные. Когда начальник отдела по борьбе с экстремизмом при Минюсте приехал со своими людьми к Иннокентию, чтобы расправиться с ним, скромный дом отшельника уже был охвачен огнем, не подступишься. Поджег себя наркоман вместе со своим жилищем –

то ли глюк какой от наркоты словил, то ли просто жизнь такая надоела. Короче, сгорел заживо, дотла, даже костей не осталось.

А процесс-то над Погореловой уже был запущен, задний ход не дашь. Одних следов крови в квартире медсестры и свидетельских показаний таксиста было явно недостаточно, чтобы упечь Лидию Федоровну за решетку. Тем более что адвокат у нее был хороший. Для этого следствию нужно предоставить тело убитого бизнесмена. А его-то как раз таки и не было – в пепел превратилось, который по глухой сибирской тайге ветром развеяло.

Глава 4

Живописный французский городок на берегу Средиземного моря жил привычной курортной жизнью. По мощенным брусчаткой узким улочкам беспечно бродили многонациональные толпы туристов, разодетых кто во что горазд. На ком-то были лишь одни плавки-шорты да купальники, прикрытые прозрачными газовыми шальями. Некоторые дефилировали в джинсах и длинных юбках – и это при том, что электронное табло, установленное над входом в кафешку с аппетитным в буквальном смысле этого слова названием «Bon appetite», показывало сорок пять градусов по Цельсию. Впрочем, доверять этим цифрам не стоило. Дело в том, что вот уже как два дня электронный градусник давал сбой, выводя на экран уж совсем фантастическую температуру, которой в природе просто не существовало. А если таковая где-нибудь и фиксировалась, то только в жерле вулканов или в условиях вечной мерзлоты. Так, вчера, когда на море был шторм, а солнце целый день пряталось за тучами, табло показывало сто двадцать градусов с плюсом. Сегодня же утром на нем и вовсе выскочило тридцать девять со знаком минус.

Впрочем, хозяин заведения не спешил вызывать электрика. Ведь подобные перепады температуры, вызванные сломавшимся термометром, только привлекали новых посетителей. Остановится какой-нибудь русский, улыбнется этой несурянице, да заодно и присядет за столик, чтобы чашечку кофе с круассаном заказать или стакан прохладительного напитка пропустить. А потом, наевшись и напившись, это самое глючное табло на фотик щелкнет. Да в своем блоге или ЖЖ запостит что-то типа такого:

«Зацените, френды, приколы – Средиземноморье, пот ручьями льется, а тут градусничек над кафешкой «Bon appetite» температуру, как на Северном полюсе, показывает. И спрашивается, какого такого лешего я из вечно холодной Тюмени сюда перся? Нет, все-таки юморные ребята эти лягушатники». Чем не бесплатная реклама?

При этом ему и в голову не придет, что кафе принадлежит отнюдь не французу, а русскому. А вернее, двоюродной сестре российского министра юстиции – Марине Николаевне Зайцевой, у которой подобных заведений с аналогичным названием по всей Франции пруд пруди. И открыла она эту сеть общепита исключительно благодаря материальной помощи своего братца, которому свой капитал, сколоченный на «тяжкой» государственной службе, девать на родине некуда стало. Однако все это была мелочовка. Помимо сети кафе «Bon appetite» Мариночка – так ласково называл свою сестренку высокопоставленный родственник – владела также трехзвездочным отелем в Тулузе, небольшим бордельчиком в Париже и супермаркетом в Лионе. Уже не говоря о том, что за ней числилось несколько огромных вилл на берегу Средиземного моря, каждая из которых стоила не менее трех миллионов евро.

Наивно было бы полагать, что все это добро министр юстиции отдал сестре безвозмездно, подарил, так сказать, по доброте душевной. Просто таким вот незамысловатым образом, обкатанным многими российскими коррумпированными чиновниками, министр юстиции Владимир Михайлович Зайцев обеспечивал себе безбедную старость. Проще говоря, выводил деньги за границу, вкладывал их в бизнес. И сам оставаясь не при делах, так как все было оформлено на сестру. Даже если кто-нибудь на родине и захотел придраться бы к нему – мол, откуда это все у Зайцевой появилось, он мог спокойно сказать что-то вроде: «Брат за сестру не в ответе...»

...На террасе роскошной виллы за столиком из мореного дуба сидели двое: министр юстиции и его частый гость – начальник отдела по борьбе с экстремизмом Митяев. Последний вот уже целую минуту напряженно высматривал в море одинокую яхту под итальянским флагом, на палубе которой веселилась компашка молодых людей: трое парней и четверо девиц. Они пили шампанское, смеялись, натирали друг другу спины кремом для загара. Каждый раз приезжая во Францию, Марат Сергеевич с нескрываемой завистью поглядывал на туристов.

Оно и неудивительно – в отличие от него они ехали сюда отдохнуть, оторваться на полную катушку. А он исключительно по работе, чтобы встретиться с Зайцевым и обсудить с ним важные дела. Ведь министр, хоть и жил в России, немало времени проводил на одной из своих любимых вилл на Лазурном Берегу. Не будешь же по мобильному телефону и по Skype важные разговоры разговаривать, их ведь и подслушать можно. Только тет-а-тет. Вот и приходилось Митяеву постоянно мотаться во Францию.

– ...Плохо, очень плохо с этим Иннокентием Седых получилось, – негодовал Зайцев, придирчиво разглядывая полированные до зеркального блеска ногти.

– Кто ж знал, что он такое выкинет? – оправдывался Митяев, стараясь не смотреть в глаза собеседнику.

– А нужно было знать, Марат. Нужно, понимаешь? Ты ж не вчера родился и вполне представляешь, что наркоман под кайфом может натворить. Что угодно может: с крыши прыгнуть, под поезд броситься или, как в нашем случае, поджечь себя к чертовой матери. – Зайцев отхлебнул из запотевшего стакана минералки и откинулся на спинку плетеного кресла. – Его тело, между прочим, позволило бы забить последний гвоздь в гроб этой сучки. А так... – повисла неопределенная пауза, – улики недостаточно, как пить дать оправдают, хоть и судья, который будет это дело рассматривать, мною как следует обработан.

Ох, как неловко чувствовал себя сейчас Митяев. Что уж тут говорить – недосмотрел, оплошал, подвел своего начальника.

– Придумаем что-нибудь, Владимир Михайлович, – стараясь излучать уверенность, пообещал Марат Сергеевич.

– Придумаем, придумаем, – передразнил его Зайцев, – вечно только это и слышишь от подчиненных. Ты мне конкретное предложение давай, и прямо здесь, а не завтраками корми.

И тут Митяева осенило – он и сам удивился, почему эта идея не родилась у него в голове раньше.

– Не оправдают медсестричку... – хитро прищурился он и принялся излагать министру свой план.

Тот слушал подчиненного внимательно, не перебивая. А когда Марат закончил, некоторое время молчал, а затем одобрительно кивнул – мол, принимается. После чего произнес:

– Что ж, если тебе удастся сломать ее таким вот образом, и она сама признается сперва на следствии, а потом подтвердит показания на суде, то и без тела обойдемся. Чистосердечное признание как-никак, – ухмыльнулся министр.

– Удастся, – пообещал Зайцев и тут же добавил: – Да и с телом этого бизнесмена, которого уже не существует, вполне можно будет выкрутиться. Пускай заявит на суде, что она его в бочке с серной кислотой растворила или сожгла на костре.

Зайцев вытянул ноги, запрокинул голову и уставился в голубое небо: над виллой кружили чайки. Позволил себе расслабиться и Митяев – вынул из пачки сигарету и закурил.

– Владимир Михайлович, можно вопрос? – сделав несколько затяжек, осторожно спросил начальник отдела по борьбе с экстремизмом, чувствуя, что министр подобрел и уже не так зол на него.

– Да, Марат, – неожиданно мягко прозвучало в ответ.

– Я вот что тут на досуге подумал, – начал издали Марат Сергеевич, явно боясь задать прямой вопрос, – мы демонстративно охоту на этих антикоррупционеров открыли, и скоро одну из их представительниц в тюрьму упрячем. Но ведь и наверху не дураки, они нам скажут, что вместо нее ряды этой организации кто-нибудь другой пополнит. Это все равно, что Змею Горынычу голову отрубить – на ее месте новая отрастет. Понимаете, о чем я?

– Хочешь сказать, что мы зря время теряем? – вздохнул Зайцев, щуря глаза на солнце.

– Ну, в общем-то, да, – сознался Митяев и тут же пояснил свои опасения: – Понимаете, я привык доводить любое дело до конца и получать определенный результат. А здесь выходит,

что мы только эту бабенцию-медсестру, которая по большому счету не при делах, закроем, и все – финита. При этом антикоррупционная организация как существовала, так и будет существовать. Даже этого Ларина не возьмем. И неужели ради вот такого незначительного результата стоило тратить столько сил и энергии? Вот что меня больше всего беспокоит.

Министр юстиции внезапно поднялся и принялся расхаживать по просторной террасе.

– А теперь, Марат, выслушай, что я тебе скажу. Только не перебивай, – проговорил хозяин виллы и заложил руки за спину. – Во-первых, давай начнем с того, что эти самозванцы, так называемые борцы с коррупцией, которым симпатизировала Погорелова, взяли на себя карательные функции государства российского. А это не прощается. Власть просто обязана наказать их, иначе это уже не власть. Но так как эти антикоры сплотились в глубоко законспирированную организацию и действуют крайне осторожно, я бы даже сказал – ювелирно, выловить всех их крайне сложно. Но мы и не ставим перед собой такую задачу. Достаточно будет провести хотя бы один показательный судебный процесс над членом организации, и не важно, рядовым или нерядовым. Чтобы все до единого несогласные усвоили – воевать с государством бессмысленно и бесперспективно, а главное – чревато заключением под стражу. В первую очередь, это касается всех этих активизировавшихся в последнее время блогеров, опальных писателей, художников, офисного планктона и правозащитников, которые взяли моду белые ленточки цеплять и на площадях нашей столицы собираться, – Зайцев замолчал и уставился на начальника отдела по борьбе с экстремизмом.

– А во-вторых? – заморгал Митяев.

– А во-вторых... – задумчиво протянул Владимир Михайлович, – мы судебный процесс над Погореловой широко осветим в средствах массовой информации, чтобы каждый, повторяю, каждый в нашей стране увидел, что грозит человеку, решившему вступить в ряды антикоррупционной организации. А это наверху оценят.

Наконец Марат уловил суть дела. Однако по-прежнему ловил себя на мысли, что начатая игра не стоит свеч.

– Ну, хорошо, покажут пару раз в новостях, как Погорелову в наручниках из зала суда уводят. Прозвучит закадровый голос, мол: «Вот как бывает – по неосторожности и дурости взялась помогать людям, впарившим ей, что они благими делами занимаются, коррупцию искореняют. А они ее взяли да использовали, заставив тело бизнесмена расчленить, к тому же еще потом и бросили, как отработанный материал». Тут же можно ее заплаканного сынишку крупным планом показать. И вновь закадровый голос пустить: «Бедный ребенок, без матери расти будет. Но закон для всех един. Так что, граждане, будьте бдительны, не поддавайтесь на сладкие речи тех, кто предложит вам вступить в подобную организацию», – произнес Митяев и сомкнул пальцы рук в замок. – Конечно, народ такой сюжет примет. Но память людская недолговечна. Пройдет месяц, и все об этом забудут, а значит, и страх в обществе пропадет. А этого наверху не оценят.

– Э, не, не забудут, – покачал головой министр юстиции. – И знаешь почему? Потому, что буквально через неделю на одном из федеральных каналов стартует одно очень забавное реалити-шоу, «Судейские будни» называется. Кстати, не без моей помощи оно в эфире появится. Так вот, по предварительным прогнозам телевизионщиков, рейтинг его будет просто заоблачным. Все смотреть станут – от мала до велика. Так вот, главной темой этого шоу станет судебный процесс над Погореловой. Но и это еще не все. Благодаря «Судейским будням» мы заодно...

Задумчивый Митяев вмиг навострил уши, вникая в каждое произнесенное слово. Ему оставалось только удивляться и мысленно аплодировать находчивости и креативности своего начальника. Ведь до такого сам бы он и в жизни не додумался.

* * *

Больше всего в людях руководитель тайной организации по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти ценил не только преданность, но и пунктуальность. Ну, не любил он, когда человек, с которым у него забита «стрелка» на определенное время, опаздывает хотя бы на минуту, а то и целых пять. Хотя иногда он закрывал на это глаза, особенно когда подобным грешили одни из лучших его агентов – Андрей Ларин и его напарница Лора. И не только потому, что им за заслуги позволялось то, что другим было категорически запрещено. Нет, не в этом было дело. Просто они работали больше остальных агентов, порою без выходных и отпусков. Вот и поощрял их Дугин подобным образом – мол, понимаю, ребята, сколько на ваши плечи взвалено, так что за опоздание применять санкции к вам не буду. Но только если оно, как говорится, в пределах разумного и безопасного.

Вот и теперь Павлу Игнатьевичу пришлось ждать. Правда, на этот раз уже не своих агентов, а старого знакомого, с которым он договорился встретиться в закрытом загородном теннисном клубе. Тот, к слову, опаздывал безбожно – на целых полчаса. И это не могло не раздражать пунктуального Дугина. Облаченный в белые кроссовки, короткие шорты, майку и кепку, он мерил шагами прорезиненное покрытие корта, то и дело поглядывая на часы. Иногда начинал размахивать ракеткой, ударяя ею по воображаемому мячику. То ли разминался перед предстоящим поединком, то ли выплескивал накопившуюся злость.

Договорись Павел Игнатьевич о встрече с кем-нибудь другим – уже давно плюнул бы и уехал. Но его старый знакомый был человеком искусства. А творческим людям в силу их профессии и мировоззрения опоздание, пускай и такое затянувшееся, простить можно. Тем более что Рафаэль Рудольфович Макаровский был востребованным режиссером, таким гуру, снявшим десяток кассовых и культовых фильмов. Одна из его картин даже как-то на «Оскара» претендовала, но, увы, чуда не произошло. Однако в последнее время Макаровский начал отходить от кино и все больше заниматься различными реалити-шоу. Как правило, заказными. Скажем, захотелось министру обороны престиж армии в глазах населения поднять, он к гендиректору федерального канала обращается и говорит – дескать, передачу надо сварганить про то, какая у нас передовая военная техника и как солдатам хорошо живется. Не проблема, все оплатю, только сделайте позитивный материал. А тот его к Рафаэлю Рудольфовичу перенаправляет. Режиссер выслушает вояку, покивает, а затем уговорит его вместо коротенькой передачи долгоиграющий телевизионный проект замутить. Ну а потом пошло-поехало. Находят какую-нибудь заброшенную воинскую часть, быстренько делают там косметический ремонт, приводят в порядок территорию, чтобы картинка на экране смотрелась. Затем актерам раздают военную форму, и они начинают играть свои роли: кто рядовых, кто сержантов, кто прапорщиков, кто майоров... Все это снимают на видео каждый день в режиме нон-стоп на протяжении месяца, а то и двух. Потом отснятый материал монтируют, разбивают на серии-сезоны и запускают в эфир. Смотрят такой продукт, как правило, подростки. Причем смотрят с упоением, даже не подозревая, что никакое это не реалити-шоу, а срежиссированный спектакль о том, как в армии нашей хорошо служить, а полюбившиеся им герои не реальные люди, а лишь актеры. Вот и складывается у будущих призывников мнение, вдолбленное им зомбоящиком, что армейская служба прям курорт, такое романтическое путешествие, и никакие деды их мучить не будут...

Дугин начинал терять терпение и уже даже собирался позвонить Макаровскому, чтобы спросить, куда тот запропастился, как вдруг дверь раздевалки приоткрылась. На теннисный корт вышел толстый мужчина пятидесяти восьми лет с двойным подбородком, одетый точно так же, как и Павел Игнатьевич. Вот только у последнего спортивная форма была подогнана по фигуре, а на упитанном Рафаэле Рудольфовиче она, казалось, вот-вот лопнет, разойдется по швам.

– И ста лет не прошло, – цокнул языком руководитель тайной антикоррупционной организации, пожимая руку старому знакомому.

– Съёмки задержали, – объяснил тот и недоверчиво прищурился. – С чего это ты вдруг решил со мной повидаться? Мы ж с тобой уже как два года не общаемся?

Но Дугин так ничего и не ответил. Поднял с пола салатный мячик, прошел на свою половину поля, приготовился к удару. Макаровский пожал плечами и принял стойку, ожидая подачи соперника.

Игра оказалась недолгой. Рафаэль Рудольфович проиграл все сеты практически всухую. Лишь пару раз, и то по чистой случайности, ему удалось забить Павлу Игнатьевичу.

Утомленные и вспотевшие мужчины присели на лавочку. Вытерли лица полотенцами, попили водички. Немного отдышавшись, Макаровский произнес:

– Давненько в теннис не играл. Лет этак пять, а то и шесть. Впрочем, ты победил заслуженно, – именитый режиссер посмотрел на Дугина. – Но, как я понимаю, ты меня сюда не для того пригласил, чтобы мячик через сетку покидать. Уж слишком хорошо я тебя знаю.

– Верно, – улыбнулся Павел Игнатьевич, закидывая ногу за ногу. – Просьба у меня к тебе одна есть. Поможешь по старой дружбе?

Не просто так руководитель тайной организации по борьбе с коррупцией попросил своего старого знакомого о помощи. Ведь за тем числился небольшой должок. Когда-то, в лихие девяностые, Макаровский одолжил у одного криминального элемента много бабок на съёмки фильма. Деньги успешно освоил, но кино не выстрелило в прокате, не окупилось. Бандит потребовал вернуть лавэ и поставил режиссера на счетчик. Если бы не вмешательство Дугина, уже тогда занимавшего довольно высокий пост в МВД, Рафаэля Рудольфовича уже давно не было бы в живых.

Однако Макаровский сидел молча, будто и не слышал вопроса. Павлу Игнатьевичу пришлось повторить, на этот раз громче:

– Ну, так что? Могу я на тебя рассчитывать? – эхом разлетелось под сводами крытого теннисного корта.

– А?! Что?! – встрепенулся режиссер и выдал из себя улыбку. – Конечно, можешь, дружище. Как я понимаю, ты хочешь, чтобы я твою дочь в кино снял? – вскинул он брови и сразу же затараторил: – Не проблема. Приводи ее завтра на «Мосфильм», подыщем ей роль. У нас как раз новый проект намечается – исторический фильм, по Льву Николаевичу, новая экранизация «Войны и мира». Роль Наташи Ростовской, конечно, уже занята. Но что-нибудь придумаем...

Неожиданно Дугин резко вскинул руку и рассек ребром ладони воздух практически перед самым носом у балабола Макаровского. Тот сразу же заткнулся, захлопал глазами.

– Во-первых, никакой дочери у меня нет и никогда не было. Во-вторых, у меня к тебе просьба совсем другого толка, – вкрадчиво разъяснил Павел Игнатьевич.

– А я это... думал... есть... – невнятно промямлил Рафаэль Рудольфович. – Так что тебе от меня надо?

– Слышал я, ты заказ от Министерства юстиции на съёмки некоего реалити-шоу получил, – произнес Дугин.

Повисла напряженная пауза. Режиссер даже приложился к бутылочке с водой. Пил маленькими глоточками – в общем, делал вид, что его вдруг одолела жажда. А на самом-то деле лихорадочно соображал, что ему ответить. Когда в пластмассовой емкости не осталось ни капли, он, наконец, проговорил:

– Да.

– И в каком ключе будешь снимать? – поинтересовался Павел Игнатьевич.

– Я человек подневольный. В каком сказали – в таком и буду, – развел руками Макаровский.

– Значит, исключительно в позитивном? – уточнил Дугин.

– Это же заказ. Кто же захочет, чтобы про него за его же деньги один негатив по ящику показывали? Негатива-то и в телевизионных новостях, и в Интернете предостаточно.

– Сценарий уже готов? Актеры приглашены? – допытывался Павел Игнатьевич.

– Это будет принципиально новое шоу, не похожее на все те, что я раньше делал. Никаких актеров в нем не будет. А главным его героем будет только один человек – простой судья. Моя цель – показать его будни. От того самого момента, как он с постели встает и идет на кухню кофе заваривать, до того, как спать ложится. Естественно, будет присутствовать и психологический рисунок. То есть нужно показать, с каким нелегким моральным выбором он сталкивается, принимая судьбоносные решения – оправдать или признать виновным в совершении того или иного преступления, – принялся объяснять Рафаэль Рудольфович.

– Ага, понимаю. Получится этакий страдающий за правду представитель правосудия, не спящий ночами и живущий на одну зарплату. Прямо хоть к сердцу прикладывай, – криво улыбнулся Дугин, и его лицо тотчас же сделалось серьезным. – А также в рамках шоу ты должен будешь осветить судебный процесс над Погореловой, которую этот самый, как ты выразился, простой судья и будет судить. Не так ли?

– Ну, да, – непонимающе вскинул брови маститый режиссер. – А что тут такого? Дело резонансное – какая-то баба, сотрудничающая с некой тайной антикоррупционной организацией, труп бизнесмена, как заправский мясник, разделала. Эдакий врач-вредитель. По-моему, можно ожидать хороших рейтингов.

Естественно, Макаровский не мог знать, что его бывший приятель Дугин, помимо работы в МВД, руководит той самой организацией, о которой он как раз только что упомянул.

– Да не резала она никаких трупов. Подстава все это, – вздохнул Павел Игнатьевич и, наконец, решил озвучить свою просьбу: – Короче, давай непосредственно к делу. От тебя мне нужно лишь одно. Помочь мне на этого судью, который главным героем твоего шоу будет, компромата нарыть. Причем убойного, чтоб не в бровь, а прямо в глаз.

– Не понял? – удивился Рафаэль Рудольфович.

– А что тут непонятного? Ты же доступ к его квартире, рабочему кабинету иметь будешь. Так вот, установишь там втихаря скрытую видео- и аудиозаписывающую аппаратуру. На его одежду пару «жучков» и миниатюрных камер нацепишь. Судья ничего и не заподозрит. Будет думать, что когда тебя с твоей съемочной группой рядом нет, за ним никто и не следит. А значит, решит воспользоваться удобным моментом. Скажем, встретится с заказчиком судебного процесса над Погореловой, чтобы кое-какие моменты дела уточнить да инструкции получить. Или взятку у кого-нибудь возьмет. В конце концов, может, он в клуб анонимных алкоголиков ходит. Все мы, знаешь ли, не без грешка, – Дугин на мгновение замолчал, посмотрев на удивленное лицо режиссера, и продолжил: – Спросишь – зачем мне это нужно? К сожалению, этого я тебе сказать не могу. Зато могу расписать бонусы, которые ты поимеешь в итоге, – и он принялся загибать пальцы. – По-настоящему зрелищное шоу, аналогов которого на телевидении еще не было. Сопутствующую шумиху в СМИ. Правдорубом прослывешь. Народную любовь за то, что не побоялся показать правдивую жизнь судьи без прикрас. И, как говорится, вернешь мне старый должок.

Озадаченный Макаровский морщил лоб, переваривая услышанное. Со стороны казалось, что он решает в уме какое-то сложное алгебраическое уравнение, взятое из учебника по высшей математике. Наконец маститый режиссер произнес:

– Не знаю, что ты там задумал. Но в этом я участвовать не буду.

Что ж, Павел Игнатьевич был готов услышать нечто подобное, хотя и до последнего верил, что Рафаэль Рудольфович пойдет ему навстречу, согласится помочь своему бывшему приятелю. Но не судьба. А потому Дугину пришлось вытащить из рукава припасенный козырь:

– Это, конечно, не мое дело. Но недавно к нам в МВД пришли очень любопытные документы от некоего анонима. В них подробно расписана схема отмывания бюджетных денег,

выделенных Национальным агентством кинематографии на твои прошлые киноработы. И бухгалтерская отчетность к ним прилагается. В общем, просмотрел я все эти бумажки, сопоставил цифры и пришел к выводу, что на каждый отснятый тобой фильм было потрачено приблизительно от восьмидесяти до восьмидесяти пяти процентов от выделенных агентством средств. Куда подевались остальные проценты, я думаю, ты в курсе. Пока эти документы у меня на столе лежат, и никто, кроме меня, об их существовании не знает. Я вот и думаю – давать им ход или пожалеть старого знакомого. Мы ведь все не без грешка, – вновь повторил одну из своих любимых фраз Павел Игнатьевич.

Макарский вмиг поник, осунулся. Дугину даже показалось, что режиссер вот-вот потеряет сознание. Но нет, тот медленно встал и, еле волоча ноги, побрел в раздевалку. Затем вдруг замер у двери, обернулся и, заикаясь, промямлил охрипшим голосом:

– Я п-п-подумаю над-д твоей просьб-б-ой.

– Только недолго думай, – предупредил его Павел Игнатьевич.

– Я п-п-подумаю и п-п-перезвоню, – вновь прозвучало невнятно, и Рафаэль Рудольфович исчез за дверью.

Глава 5

Последние несколько дней Андрей Ларин занимался непривычной для себя работой. Вместо того чтобы вести слежку или планомерно втираться в доверие к какому-нибудь высокопоставленному чиновнику-коррупционеру, прикидываясь своим в доску парнем, он безвылазно сидел за компьютером и составлял в специальной программе фоторобот одного из тех амбалов, которые засекли его на рынке и от которых ему с таким трудом удалось уйти. Впрочем, это было делом нужным и полезным. Ведь своего врага нужно знать в лицо, равно как и то, от чьего имени он действует.

Когда же фоторобот был готов, Ларин тут же прогнал его через базу данных видеозаписей, сделанных камерами наружного наблюдения на московских улицах. Однако результат себя не оправдал. Программа выдала ему под сотни людей, замеченных в тех или иных оживленных местах столицы, но при этом ни одно лицо не совпало с фотороботом на все сто процентов. Все они имели сходство с фотороботом, но лишь в некотором смысле. К примеру, у кого-то был такой же нос с горбинкой и высокий лоб, а вот разрез глаз и губы не те. Или наоборот – совпадала нижняя часть лица, а вот верхняя нет. Короче, только зря время потратил.

Однако Андрей не отчаивался. Прогонял и прогонял фоторобот через различные базы данных и картотеки всяких ведомств и министерств, которые удалось добыть благодаря связям Павла Игнатьевича Дугина. Однако искомый объект в них не числился. Ларин даже начал подумывать, что имеет дело с каким-то тайным агентом сверхзасекреченной спецслужбы, о существовании которой знают лишь на самом верху.

И все-таки в конце концов кропотливая работа принесла свои плоды. Фоторобот амбала полностью совпал с одной фотографией из картотеки Министерства юстиции. Этим человеком оказался заместитель начальника отдела по борьбе с экстремизмом при Минюсте – Игорь Владимирович Быковский тысяча девятьсот семьдесят восьмого года рождения. Ошибки быть не могло. Это был тот самый мудака с рынка. Андрей даже мысленно одел его в кожаную куртку, так как на фотоснимке из картотеки он был облачен в деловой костюм и галстук.

Ну а дальше все было делом техники. Ларин пробил адрес Игоря Владимировича, парочку дней проследил за ним, изучая распорядок дня: во сколько уходит из дому, каким маршрутом добирается до работы, где обедает, в каком часу возвращается домой... В общем, изучил объект от и до. В ходе слежки Андрей заметил одну любопытную деталь. Несколько раз в неделю Быковский «забывал» о своей основной квартире и пользовался другой. При этом он приезжал туда не один. Его сопровождал белобрысый пацан на вид лет пятнадцати-шестнадцати, не больше, с сережкой в правом ухе и абсолютно девичьей фигурой. Они вместе заходили в подъезд, а уже через пару минут в окне спальни зажигался приглушенный голубоватый, прямо-таки интимный свет, и задергивались шторы. По прошествии трех часов Игорь Владимирович и парень покидали квартиру. Первый довозил последнего до ближайшей станции метро, вручал тому конверт, возвращался домой и ложился спать.

Безусловно, Андрей догадывался, чем могут заниматься все эти три часа взрослый мужик и не достигший совершеннолетия пацан. И понимал, что нащупал уязвимое место Быковского. Но одно дело догадываться, другое – застукать педофила на горяченьком, чтобы впоследствии припереть негодяя к стенке. Но как это сделать? На этот счет Ларин уже все предусмотрел...

...Как только с первыми лучами солнца новенький «Лексус», которым управлял Игорь Владимирович, выехал с платной стоянки и влился в поток тянувшихся по проспекту машин, во двор дома, где несколько раз в неделю позволял себе развлекаться сотрудник Минюста, въехал джип «Нива» с надписью по борту «Служба по ремонту лифтов – СЕДЬМОЕ НЕБО». Автомобиль затормозил у подъезда Быковского.

Из него выбрался усатый широкоплечий мужчина в комбинезоне и кепке, козырек которой скрывал верхнюю часть его лица. Открыв багажник и достав оттуда пластмассовый ящик для инструментов, он, негромко напевая, двинулся к металлической двери с домофоном. Наугад вдавил кнопку. Буквально через несколько секунд из динамика раздался ворчливый голос старушки:

– Кто там?

– Служба по ремонту лифтов. Откройте, пожалуйста.

– Кто-кто? – переспросила пожилая женщина, явно испытывающая проблемы со слухом.

Усач повторил, на этот раз громче. И добавил, что собирается поменять прожженные сигаретами кнопки. После непродолжительной паузы из динамика донеслось радостное:

– Наконец-то приехали. А то я уже кому только не писала. Входите-входите, дорогой вы мой.

Что-то пискнуло. Массивная дверь отворилась. Мужчина зашел в подъезд, осмотрелся, прислушался. Никого. Тишина. Поднялся по лестнице на третий этаж и остановился у металлической двери. Запустил руку в карман, достал связку отмычек и принялся ковыряться в замке.

Все-таки не зря месяцем ранее Ларин прошел целый курс практических занятий с одним бывшим домушником, который состоял на службе тайной антикоррупционной организации и учил ее агентов пользоваться отмычками, а если понадобится, и обыкновенной скрепкой, чтобы открыть замок любой сложности. А потому «лифтер» с накладными усами справился быстро – на все у него ушло каких-то две минуты.

Оказавшись в квартире Игоря Владимировича, Андрей первым делом прошел в спальню, поставил свой ящик для инструментов на кровать и щелкнул замками. Вместо гаечных ключей и отверток там лежали крохотные видеокamеры размером с лесной орех, способные передавать изображение в режиме реального времени на расстояние до километра. Что ж, Дугин всегда шел в ногу со временем, обеспечивая своих агентов новинками шпионской техники.

Одну из таких камер Ларин прикрепил к люстре. Другую – к шторному карнизу. Третью замаскировал за картиной. Четвертую припрятал в голубом ночнике. Установил камеры и в других комнатах, в том числе в ванной, туалете, прихожей, на кухне, даже на застекленном балконе. Так, на всякий случай, если вдруг извращенцу Быковскому вдруг взбредет в голову заняться любовными утехами в каком-нибудь экстравагантном месте. Например, на столе в рабочем кабинете или на вибрирующей стиральной машине в ванной комнате.

Спустя какое-то время Андрей уже сидел в салоне «Нивы», смотрел на экран ноутбука, на который транслировалась картинка из спальни Игоря Владимировича, попивал морковный сок и терпеливо дожидался того момента, когда объявится хозяин квартиры со своим неизменным спутником. Ждать пришлось до самого вечера.

Припарковав по обыкновению свой «Лексус» на платной стоянке вблизи дома, Быковский, а следом за ним и несовершеннолетний пацан направились к подъезду. Шли они так, словно и не знали друг друга. Игорь Владимирович то и дело оборачивался, подгоняя взглядом не особо спешившего парня. Краем глаза Ларин отметил припарковавшегося невдалеке от его джипа мотоциклиста в закрытом шлеме. Правда, тут же потерял к нему интерес и сосредоточил все свое внимание на экране компьютера...

...Никогда прежде Андрею не доводилось видеть такой мерзости. Нет, конечно, за время работы на тайную организацию по борьбе с коррупцией он успел насмотреться и на чиновников-педерастов, зоофилов, садомазохистов и даже некрофилов. Попадались ему уже и педофилы. Всякого дерьма в высших эшелонах власти хватало, хватает и будет хватать. Но вот то, что вытворял с подростком Быковский, – это уже выходило за всякие рамки. За время просмотра видео из спальни у Ларина непроизвольно сжимались кулаки и появлялось навязчивое желание выскочить из машины, взбежать на третий этаж, выломать дверь и избить до полу-

смерти, а может, и до смерти чертового извращенца. Но он сдерживался, не давая эмоциям разгуляться.

Андрей зло хлопнул крышкой ноутбука, нервно забарабанил пальцами по приборной панели.

«Парень, похоже, из неблагополучной семьи. Мамаша с папашей алкаши. Денег не дают. А ему, как и любому пацану в этом возрасте, айфонов, планшетников, игровых приставок хочется. Да и девушка у него наверняка есть, которая даже и не подозревает, чем он занимается. А ведь ее и в кинотеатр сводить нужно, и в кафешку какую-нибудь, и на Восьмое марта плюшевого медвежонка подарить. Этим извращенец Быковский и пользуется. Ну, ничего, скоро я с тобой разберусь. В порошок сотру да яйца на хрен поотрываю», – пообещал сам себе Ларин.

Положив ноутбук, где хранилось записанное на жесткий диск видео с сексуальными извращениями Игоря Владимировича, на заднее сиденье, Андрей провернул ключ в замке зажигания. Заработал двигатель. Но как только он собрался вырваться из ряда припаркованных машин, как в стекло настойчиво постучали. Ларин повернул голову. На него вопрошающе смотрела миловидная девушка в мотоциклетном шлеме с поднятым забралом. Стекло поползло вниз.

– Да?! – удивленно вскинул брови Андрей, не понимая, чего от него хотят.

– Извините, что помешала. Вы не могли бы мне подсказать, где тут находится магазин автозапчастей... – девушка засунула руку в нагрудный карман кожаной куртки, принялась в нем копошиться, – сейчас-сейчас... подружка мне его название на листик записала...

Ларин ощутил надвигающуюся опасность – уж больно подозрительно и напряженно вела себя юная особа. Но прежде чем он успел что-то предпринять, девушка торопливо вытащила из кармана маленький баллончик и пшикнула ему прямо в лицо какой-то гадостью. Перед глазами вмиг потемнело. Голова сделалась свинцовой. Последнее, что услышал Андрей, перед тем как сознание покинуло его, было брошенное через припрущенное стекло полное злобы и ненависти слово:

– Ублюдок...

...из чернильной темноты доносился странный гул и неразборчивые звуки. При этом постоянно что-то гремело, скрежетало. Ларин постепенно приходил в себя, но разлепить веки по-прежнему не мог. Лишь только он предпринимал очередную попытку, как глаза начинало сильно щипать, будто в них закапали какой-то адский раствор. Но не столько это беспокоило сейчас агента тайной организации по борьбе с коррупцией. Он ощущал на запястье правой руки характерный холодок металла от браслета наручника. Как он подозревал, его приковали к рулевому колесу собственной же машины. Да-да, он находился в своей «Ниве», ведь в воздухе приторно пахло абрикосовым ароматизатором, который он прикрепил к бардачку накануне вечером, чтобы вывести из салона запах ненавистного ему сигаретного дыма, доставшегося ему в наследство от прежнего владельца авто – его напарницы Лоры.

Наконец Андрею удалось приоткрыть, а вернее, прищурить глаза. Теперь он воочию убедился, что и в самом деле сидит в собственном авто, а его правая рука прикована к рулю. Свободной рукой он протер запотевшее лобовое стекло и увидел апокалиптическую картину, которую раньше наблюдал только в голливудских блокбастерах. Изъеденные ржавчиной остовы грузовых машин, дымящиеся покрышки, разобранные на металлолом легковушки. То тут, то там валялись разорванные сиденья, погнутые дверцы, продырявленные капоты. А над всей этой свалкой великаном возвышался подъемный кран «Ивановец» с одной включенной фарой, похожий на гигантского Терминатора с горящим глазом. С его горизонтальной мощной балки свисали четыре толстых стальных троса, которые удерживали в подвешенном состоянии круглый магнитный блин, казавшийся со стороны огромной таблеткой активированного угля.

– Что за... – И тут Ларин вспомнил про ноутбук, обернулся, но на заднем сиденье было пусто, – вот же...

Но выругаться Андрей так и не успел. Загрохотало. Ожившая балка подъемного крана начала неумолимое движение в сторону «Нивы». Не прошло и пяти секунд, как раскачивающийся на тросах магнит уже навис над крышей машины. Наконец-таки Ларин вышел из оцепенения и принял единственное верное в сложившейся ситуации решение. Вцепился пальцами обеих рук в рулевое колесо и начал изо всех сил рвать его на себя, пытаясь тем самым выдрать с мясом рулевую колонку.

– Говорила же мне Лора, что российские машины – это гробы на колесах. А я ее не слушал. Вот и расплачивайся теперь, Андрей, за слепую и безответную любовь к отечественному автопрому, – стиснув зубы от неимоверного напряжения, приговаривал Ларин.

Тем временем магнит с грохотом опустился на крышу внедорожника и буквально присосал его. Колеса оторвались от земли. Поднятая над землей машина устремила к расчищенной посреди автокладбища небольшой площадке, в центре которой «Ниву» и ее водителя уже поджидал внушительных размеров угловатый агрегат – настоящий монстр по утилизации старых автомобилей и превращения их в консервные банки.

Ларин поднапрягся. Выкрутившийся из крепления болт упал на коврик. За ним еще один. Но колонка ни в какую не хотела поддаваться – намертво приросла к рулевому колесу. Андрей не опускал рук, понимал, что это его единственный шанс выжить.

– У тебя все непременно получится, – внушал он себе, – не для того же ты на белый свет родился, чтобы вот так бесславно погибнуть на какой-то свалке.

«Ивановец» опустил «Ниву» в прокрустово ложе утилизационного пресса. Магнит отлип от крыши машины и неторопливо ушел вверх. Поднятая крышка пресса, приводимая в движение мощными гидроцилиндрами, начала медленно опускаться на автомобиль. В салоне становилось все темнее и темнее.

– Давай же, выдирайся! – рвал на себя из последних сил рулевое колесо Ларин, хотя уже понимал, что ему вряд ли удастся спастись.

* * *

Сквозь узкие зазоры между планками неплотно закрытых жалюзи в просторную кухню квартиры-сталинки, расположенной в самом центре Москвы, просачивался веселый солнечный свет. Он ровными полосками расчерчивал затертый ламинатный пол, пожелтевшие стены, немногочисленные навесные шкафчики.

Вообще же, сама кухня смотрелась абсолютно казенно, тут даже и не пахло домашним уютом. Ни тебе скатерти на столе, ни стопки посуды возле раковины, ни полотенце, ни даже магнитиков на холодильнике. И если бы не электрочайник, две малюсенькие чашечки с торчащими из них чайными ложками да пачка открытого кофе на столешнице, могло бы показаться, что здесь уже давно никто не живет.

Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Ведь все конспиративные квартиры, принадлежавшие организации по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти, были похожи друг на друга как две капли воды. Минимум комфорта, максимум практичности. И вправду, зачем тайному агенту, например, всякие кастрюли, сковородки, формочки для запекания? Всю еду, причем уже готовую, ему доставят заранее, чтобы по магазинам не шастал и не светился лишний раз на улице. А вот без электрочайника никак не обойтись. Надо же иногда горячего кофейку или чайку попить...

...Закипела вода. Дугин налил в чашечку кипятка, размешал ложкой растворимый кофе и сделал осторожный глоток. После чего перевел гневный взгляд на экран своего планшетника.

«Видео, размещенное пользователем Zoggo, было удалено по причине наличия сцен сексуального характера», – прочитал он надпись на страничке Youtube.

Сказать, что Павел Игнатьевич был зол, значит, ничего не сказать. Мало того что Андрей Ларин не явился в назначенное время на конспиративную квартиру и не вышел на связь, так еще в Интернете появилась видеозапись, на которой человек, похожий на заместителя начальника отдела по борьбе с экстремизмом при Минюсте Быковского, извращается над несовершеннолетним парнем. Естественно, она провисела там недолго – бдительные модеры удалили ее. И тем не менее за то время, пока она находилась в открытом доступе, ее успели просмотреть около двух тысяч человек.

– Что ты наделал, Андрей? – шурясь на слепящий солнечный свет, вел заочный диалог с одним из своих лучших агентов Дугин. – Ну, зачем поспешил? Ты же мне все карты попутал. Теперь эти уроды из Министерства юстиции будут как никогда осторожны. Поймут, что мы им войну объявили. Ну, зачем, Андрей?

Прошло десять минут, двадцать. И когда на доньшке чашки осталась лишь одна кофейная гуща, Павел Игнатьевич поднялся, вышел из кухни и протопал по длинному коридору. Но прежде чем покинуть конспиративную квартиру, задержался в прихожей у зеркала. Посмотрел на свое отражение. Мешки под глазами, потухшие глаза, бледная кожа лица.

– Старею, да и нервы уже не те, – прикусил щеку Дугин. – Ладно, пора идти. Все равно Андрей уже сегодня вряд ли объявится, – с этими словами он взялся за дверную ручку и уже хотел было выйти в подъезд, как с другой стороны двери кто-то вдавил кнопку звонка.

Павел Игнатьевич моментально напрягся. Ведь если бы это был Ларин, то он ни в коем разе не стал бы звонить, а воспользовался бы имеющимся у него ключом от квартиры. Тогда кто это?

Затаив дыхание, Дугин включил экран домофона. Раздался облегченный вздох. Щелкнул замок.

– Явился не запылится, – недовольно пробурчал Дугин, пропуская в прихожую Андрея. – А это еще что такое? – тут же округлил он глаза, увидев в руке своего агента рулевое колесо от «Нивы». Браслет наручника был стыдливо прикрыт промасленной тряпкой.

– Спешу уведомить вас, Павел Игнатьевич, что автопарк нашей организации уменьшился на одну машину. Причем не по моей вине, – Ларин побрел на кухню, присел на стул.

Сбитый с толку Дугин сразу же навис над ним и стал допытываться:

– Ты мне объяснишь, что произошло? Где ты вообще пропал? Какого черта видеозапись на Youtube выложил?

– Сейчас все объясню, – вперив взгляд в пол, грустно произнес Андрей и тут же попросил: – Не можете мне эти чертовы наручники снять? – брякнул он браслетом. – А то как-то неудобно с собой это рулевое колесо таскать. Снял бы сам, но сильно спешил. Так ведь и свихнуться можно – начну по улицам носиться и голосить: «Би-би», «Уступите дорогу». А потом и в психушку загремлю.

Тяжело вздохнув, Павел Игнатьевич покопался в кармане, достал скрепку, разогнул. Поколдовал над наручниками. Ларин благодарно улыбнулся, положил ненавистную ношу на стол и принялся массировать отекающее запястье.

– Итак, я слушаю, – скрестил руки на груди Дугин.

Андрей был лаконичен, рассказал все по существу, лишь в самом конце эмоционально всплеснул руками – мол, был на волоске от смерти, но в самый последний момент спасся. Ситуация прояснилась. А потому Дугин немного подобрел и даже предложил Ларину:

– Может, кофе?

– Мне бы чего-нибудь покрепче. Нервы, так сказать, успокоить.

– И я с тобой за компанию, – Дугин понимающе кивнул и открыл холодильник.

Вскоре на столе уже стояла 0,7 украинской перцовки, бутылочка морковного сока, две стопки и литровая банка с маринованными корнишонами. Выпили по одной. Павел Игнатьевич по обыкновению закусил огурчиком. А Андрей запил горилку любимым соком.

– Это что ж получается? – задумчиво разглядывая скукожившийся красный перчик на дне бутылки, проговорил Дугин. – Некая третья сила объявилась, которая охоту и на нас, и на них объявила? По-другому никак. Иначе бы не стали они тебя прессовать в буквальном смысле этого слова да видео с этим извращенцем во Всемирную паутину выкладывать. Так что вариант с шантажистами тоже отпадает. Кто ж тогда это был? Может, какой-нибудь псих-одиночка, народный мститель? Кстати, вполне может быть – видеозапись, размещенная под ником Zorro, подтверждает эту версию. Ты как думаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.